

Бургундцы и другія менѣ извѣстныя семьи къ берегамъ Рейна. Ихъ не остановили ни преграды дикой природы, ни сопротивление Прирейнскихъ Германцевъ, сплотившихся въ два могучіе союза. Франки, преграждавшіе путь воинственнымъ пришельцамъ съ востока, были прорваны; Рейнская граница, уже лишенная крѣпостей и легионовъ, перейдена безъ труда, сѣверная и средняя Галлія затоплена дикарями. Вскорѣ внутренніе раздоры Римлянъ призвали завоевателей въ Испанію и, наконецъ, въ Африку. Западная имперія лишилась мало-помалу всѣхъ своихъ провинцій. Борьба съ Гуннами истощила ея послѣднія силы, и нигдѣ уже завоеватели не встрѣчали сопротивления. Когда, послѣ смерти Атиллы, Гунны отступили въ свои предѣлы, племена Германскія, дотолѣ еще признававшія господство Рима и сражавшіяся подъ предводительствомъ Римскаго вождя, сдѣлались полными и независимыми владыками захваченныхъ областей. Призракъ государства Римскаго еще держался въ Италіи подъ гнетомъ и угрозою Готовъ: но въ концѣ V-го вѣка исчезаетъ самый призракъ и вождь Герульскій основываетъ недолговѣчное царство на развалинахъ имперіи.

Такъ исчезла цѣлая половина Римскаго міра, обширнѣйшая по пространству, сильнѣйшая по физическому превосходству жителей (это доказано было во всѣхъ междоусобныхъ войнахъ), способнѣйшая къ защитѣ, отдаленнѣйшая отъ опасности; такъ исчезла она почти безъ боя и безъ слѣда. Наслѣдство Рима взяли Германцы.

Живучесть Восточной имперіи и безсиліе Западной; причины этого различія.

Когда Θεодосій раздѣлилъ государство, обѣ части его, восточная и западная, достались въ руки равно недостойныя власти; но ничтожность Гонорія была поддержана сильными личностями Стилихона и Аэція. При дворѣ Аркадія не явилось ни одного лица, заслужившаго историческую память. Самое положеніе Восточной имперіи было опаснѣе. На нее обрушилась вся тяжесть народовъ Готскихъ и семей изгнанныхъ Гуннами изъ Славянской земли. Аланы, Гепиды, Вандалы, Сवेвы, Бургундцы, Тайфалы, Герулы испытали поочередно свою силу надъ ея почти беззащитными предѣлами: она уцѣ-

лѣла. На нее должна была обрушиться первая гроза Гунновъ, но удалилась, предпочитая дружбу и дань сомнительной борьбѣ.

Извѣстенъ отвѣтъ Византійскаго императора гордому Атилѣ: «у меня золото для друзей, желѣзо для враговъ.»

Между тѣмъ и длинная, почти беззащитная граница При-евфратская подвергалась сильному напору Персін, южная набѣгамъ Аравитянъ и сѣверо-восточная погромамъ Кавказскихъ народовъ. За Гуннами вслѣдъ надвинулись всѣ валы моря Славянскаго, возмущенные Аварцами и брошенныя на Византію, и этотъ напоръ равнялся силамъ всей Германіи. Послѣ паденія Персін, въ самое то время, когда имперія едва отстоялась отъ Аваро-Славянскаго союза, осаждавшаго Византію съ запада, и отъ войскъ завоевателя Хозроя, осаждавшаго ее въ то же время съ востока; когда она еще не успѣла собрать силы свои для новой борьбы, поднялась новая гроза, много сильнѣе всѣхъ прежнихъ, поднялась пучина, которая послѣднее, далекою и слабою волною затопила Испанію, южную Италію, значительную часть Галліи, и едва была отбита сосредоточившимися дружинами Франковъ и могучею рукою Карла Мартеля. Таковъ былъ Исламизмъ въ своемъ первомъ періодѣ; но имперія уцѣлѣла и стала мало-по-малу расширять границы свои противъ слабѣющихъ Сарацинъ. Тогда, изъ внутренней Азіи, нахлынулъ потокъ воинственныхъ, неудержимыхъ полчищъ Тюркскихъ, которыхъ сила въ разныя времена сокрушала всѣ царства Азіи и весь востокъ Европы; тогда налетѣли съ запада дружины Германцевъ, привыкшихъ къ боямъ и съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь. Столица досталась въ руки непріятелю; имперія какъ будто исчезла; но снова возсталъ она на тяжкую и послѣднюю битву, въ которой ослабѣлая, растерзанная, всѣми брошенная, она наконецъ погибла подъ ударами Средне-азійскихъ завоевателей. Такова была ея много вѣковая борьба, таковъ ея тысячелѣтній подвигъ послѣ Θεодосія, не смотря на беззащитность длинныхъ

границъ отъ Иллиріи до Аравіи, на развратъ народа, на мер-
твенность правительственныхъ формъ, завѣщанныхъ древнимъ
міромъ, на скудость народонаселенія, нѣсколько разъ почти
уничтоженнаго моровою язвою или мечемъ непріятеля, и на-
конецъ на то бѣдственное состояніе, въ которомъ уже засталъ
ее Θεодосій послѣ бѣдствій, постигнувшихъ ее во времена Де-
кія и Валента. Но этотъ подвигъ не замѣченъ исторіею.

Не такова была судьба Западной имперіи. Она была почти
со всѣхъ сторонъ окружена широкими морями или свободнымъ
Океаномъ, не поддававшимся никогда Римскому владычеству,
но охранявшимъ Римскую область. Сухопутная граница ея бы-
ла обнесена крутою стѣною Альпійскихъ горъ и одно только
недолгое ложе Рейна открывало непріятелю легкій доступъ
въ предѣлы Галліи. Провинціи были еще пощажены дикарями,
за исключеніемъ сѣверной Италіи, нѣсколько разъ пострадав-
шей, и Рейнскаго побережья, опустошеннаго Германцами.
Ничтожные набѣги Пиктовъ и Скоттовъ не представляли важ-
ной опасности для Британніи. Большая часть Галліи не ви-
дала непріятеля; Испанія цвѣла далеко отъ сѣверныхъ вра-
говъ. Морскіе набѣги Саксовъ и Франковъ или Мавровъ Аф-
риканскихъ могли испепелить прибрежныя деревни, но не
могли не только потрясти государства, но даже и угрожать
ему. Таково было положеніе Западной имперіи послѣ Θεодо-
сія. Враги ея были тѣ же самыя Германскія или Сарматскія
племена, которыя безуспѣшно нападали на Востокъ, и эти пле-
мена утратили большую часть своихъ силъ въ борьбѣ съ Ви-
зантіею или въ налетѣ побѣдоносныхъ Гунновъ. Лишними вра-
гами Риму были только Франки и Алеманны, которыхъ сила ед-
ва ли равнялась одной Персіи, была незначительна въ сравне-
ніи съ приливомъ Славяно-Аварскимъ и совершенно ничтож-
на передъ Исламизмомъ въ его первой порѣ. И за всѣмъ тѣмъ,
внутреннее чувство подвигло варваровъ на Западъ. Оставляя
въ покоѣ близкія, беззащитныя, богатыя области Востока, они
бросились на Италію, огражденную неприступными горами,
на Галлію, защищенную своею отдаленностью, лѣсами, боло-
тами и племенами Германскими, на Испанію, опоясанную мо-

ремъ и Пиренеями, наконецъ на Африку, страну принадлежащую какъ будто чуждому міру, едва доступному для жителей сѣвера. Внутреннее чувство завоевателя было оправдано скоростью завоеванія: не прошло столѣтія послѣ великаго Θεодосія, и Римской имперіи не стало. Такова была ея судьба, такова ея гибель, очевидно не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ внутренняго безсилія. Слабость ея высказывается съ особенною яркостью въ участіи Испаніи, землѣ почти неприступной извнѣ, а внутри перерѣзанной во всѣхъ направленіяхъ горными преградами, и завоеванной, въ теченіи немногихъ лѣтъ, нѣсколькими десятками тысячъ дикарей, уцѣлѣвшихъ отъ долгаго, неуспѣшнаго странствованія по остальной Европѣ. Причины этой слабости лежатъ въ прежней исторіи Римскаго Запада, въ исторіи не политической, но духовной.

Критика, которая до сихъ поръ не удостоила своего вниманія или не замѣтила великаго вопроса о разницѣ въ судьбахъ Западной и Восточной имперіи, тщетно бы стала искать объясненія въ причинахъ внѣшнихъ, въ разницахъ географическихъ и тому под. Географическое положеніе Римской половины было выгоднѣе, чѣмъ Византійской, физическія свойства жителей превосходнѣе, средства къ защитѣ многочисленнѣе и надежнѣе. Правда, что Востокъ былъ торговѣе и богаче; но роскошная Африка, или благословенная страна Запирепейская, или хлѣбородная Британія, или Галлія, отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго, были ли обижены природою, или совершенно лишены торговли, или опустошены непріателемъ? Правда, что положеніе Рима не такъ выгодно, какъ положеніе Византіи: но онъ могъ завоевать міръ и долго управлять имъ; но Римъ былъ уже брошенъ императорами, жившими по большей части въ Равеннѣ (а иногда въ Миланѣ); но и Византія была не случайнымъ явленіемъ, а плодомъ жизни, и такая же жизнь создала бы новую столицу въ средоточіи Западной имперіи, на берегахъ Роны или въ южной Галліи, близко къ Рейну, для отпора непріятелямъ, и къ Средиземному морю, для сбора легіоновъ. Когда имперія раздѣлилась на двѣ половины, обѣ половины очевидно казались равносильными въ глазахъ Діо-

клетіана и потомъ Θεодосія; въ борьбахъ междоусобныхъ побѣда обыкновенно оставалась за Западомъ: но эта западная половина была неспособна къ жизни самобытной. Разница, доказанная послѣдовавшею исторіею, не могла быть оцѣнена современниками, потому что она была чисто духовная и плодомъ прежней духовной жизни; а человѣкъ узнаетъ тайну духовной силы или духовнаго безсилія только тогда, когда она высказалась явленіемъ историческимъ.

Востокъ былъ искони богатъ умственною, самобытною дѣятельностью. Вѣка завѣщали вѣкамъ сокровище мысли, науки или искусства. Трудъ многихъ столѣтій былъ увѣнчанъ Элладою, принявшею мысль отъ Египта и Финикіи и страны Заевфратской и слившею ее въ одинъ высокій идеалъ человѣческаго совершенства, въ одну побѣдную пѣснь человѣческой личности. Учители Эллады сдѣлались ея учениками и приняли въ себя новое начало жизни, стремленіе къ развитію всѣхъ способностей души человѣческой, всего его внутренняго существа. На Востокѣ Эллинскомъ, государства были слабы и ничтожны, люди сильны и внутренно богаты. Западъ былъ созданъ грубою и одностороннею государственностью Рима. За то Римъ былъ великъ, какъ государство, а люди, захваченные въ его мертвящія объятія, были внутренно скудны и ничтожны. Душа человѣческая не облагораживалась подъ Римскимъ владычествомъ; умъ не обогащался стремленіемъ къ высшей цѣли и, принимая усовершенствованія жизни вещественной, не впитывалъ въ себя гордой любви къ просвѣщенію. Галль и Британскій Кумри и Кельто-Шверецъ оставались по прежнему дикарями, но дикарями отчасти огражденными Римскою полиціею, отчасти заключенными по неволѣ въ границахъ Римскаго устава. Востокъ, поднавши власти Римской, обогатился новымъ знаніемъ, плодомъ древняго просвѣщенія, знаніемъ права, и принялъ его въ свою умственную сокровищницу не какъ мертвую букву, но какъ мысль живую и требующую еще развитія: безжизненная на Западѣ, наука права продолжала жить на Востокѣ и жить его.

Поприще древняго міра кончилось самоубійствомъ его оску-